

П.Н. ДЕМЧЕНКО

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ АКЦИОНАЛЬНЫХ БЛОКОВ МАСЛЕНИЦЫ

Данная статья посвящена исследованию акциональных блоков феномена праздника масленицы. В публикации рассматриваются обряды и обрядовые действия этого праздника. Автор опирается на методологию философии имяславия. В статье даётся подробный анализ таким акциональным блокам, как сооружение и уничтожение чучела, костры и сжигание в них старья, катание с гор горящего колеса. Автор приходит к выводу, что многие обряды и символы праздника масленицы представляют собой архетипы коллективного бессознательного и ностальгию по онтологической норме.

Ключевые слова: *праздник масленицы, онтология, символ, язык, обряд, обрядовые действия, сооружение и уничтожение чучела, костры и сжигание в них старья, катание с гор горящего колеса*

Демченко Полина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: polina-alex@mail.ru

P.N. DEMCHENKO

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF SOME ACTIONAL BLOCKS OF MASLENITSA

This article is devoted to the study of the phenomenon of actional blocks of Maslenitsa. The paper focuses on the rites and rituals of this celebration. The author relies on the methodology of the philosophy of imiaslavie. The article gives a detailed analysis of such actional blocks as construction and destruction of effigies, bonfires and burning of junk, rolling burning wheels. The author concludes that many of the rites and symbols of Maslenitsa celebration are the archetypes of the collective unconscious and nostalgia for the ontological norm.

Keywords: *the holiday of Maslenitsa, ontology, symbol, language, rite, ritual actions, construction and destruction of effigies, bonfires and burning of junk, rolling burning wheels*

Demchenko Polina Nikolaevna – Candidate of Philological Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Journalism, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television. E-mail: polina-alex@mail.ru

Данная статья посвящена анализу обрядов и обрядовой деятельности масленичного комплекса с позиций философии имяславия, представленной трудами П. Флоренского, А. Лосева, В. Фриауфа и В. Канафьева [7, 4, 8, 3]. Символ – истинное бытие (бытие-символ), принципом которого выступает имя, задающее онтологическую меру – язык-символ. Вследствие онтологического процесса (топологического смещения) происходит расщепление бытия как символа небытием, что в свою очередь становится условием возникновения за счёт меонизации «ущербной» онтологии тварного космоса, представляющей симуляцию, нарушение онтологической нормы – бытия-кентавра и языка-знака соответственно. Онтология языка-знака диаметрально «перевернута» по отношению к онтологии нормативности бытия, т.к. её принципом выступает число, являющееся условием существования языка-знака. Результатом данной расщеплённости бытия является процесс си-

муляции в языке: в структуре языка появляется новый элемент – фонема – наряду с означаемым и означающим. Такое смещение языка в сторону знака от символа становится возможным благодаря меонизации бытия (причина в материи, задающей смещение Смысла и Явления (элементов символа) друг относительно друга своим вторжением в структуру Символа). Существуют две парадигмы, которые эксплицируют две традиции: традиция имени и традиция числа. Согласно нашей философской концепции, в рамках онтологической нормы не существует необходимости в феномене «праздника масленицы» в силу полноты бытия. Праздник масленицы становится необходимым условием возможности возврата в онтологическую норму только в рамках ущербного, меонического бытия.

В дальнейшем, в результате утверждения в статусе истинной традиции числа, всё больше начинает утрачиваться опыт преобразования бытия-кентавра в бытие-

символ в ходе праздничной деятельности. Феномен праздника масленицы заключается в паузе будничного временного потока жизни, состоящей во вторжении трансцендентного в имманентное. Масленица – это некий ритм жизни в традиции числа. Сначала масленица представляет собой обрядовую деятельность, актуально содержащую в себе культ, не вызывающую сомнения у её участников, т.к. ход обрядности, её пространственно-временные характеристики ещё подчинялись законам языка-символа. Далее масленица постепенно начинает утрачивать свою сакральную составляющую, оставляя лишь внешнюю атрибутику, значение культа постепенно нивелируется, обрядность зачастую принимает автоматический характер воспроизведения без вникания в семантические и символические аспекты масленичного комплекса.

При этом основные символы праздника масленицы будут представлять собой архетипы коллективного бессознательного, а обряды в свою очередь будут являться ностальгией по онтологической норме. На наш взгляд, благодаря обрядовой деятельности становится возможным преобразование ущербной онтологии в нормативность бытия. Это происходит за счёт изменения пространственно-временных характеристик в период осуществления обрядовой деятельности.

Обряды и обрядовые действия масленичного комплекса можно сгруппировать в акциональные блоки: поминовение усопших; ряжение; обильная еда; катание с гор и на лошадях; кулачные бои; сооружение и уничтожение чучела; костры и сжигание в них старья; катание с гор горящего колеса; эротическое поведение молодёжи; запреты на прядение и другие женские работы [1]. Продолжая исследование этих блоков, в данной статье рассмотрим лишь некоторые из них: **сооружение и уничтожение чучела, костры и сжигание в них старья, катание с гор горящего колеса**. Попытаемся дать им толкование, определить их значение в составе праздничной деятельности, выявить их символику и скрытые смыслы, кодируемые ими.

Сооружение и уничтожение чучела представляет собой интересный обряд в праздновании масленицы. Персонификация явлений, времени и действий вообще свойственна народному сознанию. Чучело Масленицы, судя по состоянию обряда в XX веке, являлось персонификацией праздника. О Масленице говорили как о живом существе: она приходит (*«скоро Масленица приедёт <...> с востока, го-*

стинцы принесёт»), живёт в селе (*«у нас побудет»*, *«на столе кусок хлеба оставляли для Маслени»*), а потом уходит (*«в лесу хлебать поедет»*) [2, с. 226].

По мнению В.Я. Проппа, масленичное чучело олицетворяло растительные силы земли и уничтожалось с тем, чтобы возродиться в новых всходах на хлебных полях [6, с. 109]. В Эйфельских горах, в Коберне, во вторник на масленичной неделе парнями изготавливается соломенное чучело, над которым по всей форме в дальнейшем устраивают суд, обвиняя его во всех кражах, совершённых в округе в течение года. Затем это приговорённое к смерти соломенное чучело носят по деревне, после чего сжигают на костре или расстреливают. Все жители пляшут вокруг костра, а женщина, которая последней вышла замуж, должна перепрыгнуть через него. Вечером в масленичный вторник в Ольденбурге было принято изготавливать длинные связки соломы, которые затем поджигались. Размахивая зажжёнными вязанками соломы, люди с непристойными песнями и визгом бегали по полям, после чего соломенное чучело сжигали в поле. В районе Дюссельдорфа во вторник на масленичной неделе соломенный человек сначала изготавливался из необмолоченного снопа и затем сжигался. «Чучело сжигают, когда колокола звонят к вечерне. В пепельную среду¹ в Аахене какого-нибудь человека обычно обматывали стеблями гороха и относили на определённое место, откуда он незаметно исчезал. Сжигалась его гороховая оболочка, а дети воображали, что сгорел сам человек. В Валь-ди-Ледро (Тироль) в последний день Масленицы из соломы и хвороста изготавливают чучело, которое затем сжигается. Чучело называется «старухой», а эта церемония – «сожжением старухи»» [8, с. 414].

Исходя из вышеописанного, можно предположить, что чучело Масленицы представляет собой архетип трикстера в коллективном бессознательном – образ существа, обладающего божественно-животной природой, превосходящего своими сверхчеловеческими качествами человека. Одновременно чучело Масленицы – это коллективный образ тени, содержащий в себе всё неразумное, негативное, совокупность всех низших людских черт.

Сжигание старых, негодных предметов **на кострах** стоит в одном семан-

¹ «Пепельной средой» называют во многих западноевропейских странах среду на первой неделе Великого поста. Название идёт от церковного обычая посыпать голову пеплом в знак раскаяния в совершённых во время масленицы грехах.

тическом ряду со сжиганием чучела. Подобные действия совершались в календаре почти исключительно в обрядах переходных периодов (дни летнего и зимнего солнцестояния и дни весеннего и осеннего равноденствия: день св. Юрия, Пасха, Троица, Рождество, Воздвижение).

В некоторых описаниях фиксируется сжигание в кострах «рухляди, веников-голиков, лаптей-стопок, сора и хлама <...> – чтобы лето было жарче!» [5, с. 243]. Данную мотивировку надо понимать так, что новое должно прийти окончательно, во всей полноте своего качества. Важно отметить такой основополагающий факт в народном мировоззрении, что человек через обряд сожжения как опыт переживания смерти нынешнего состояния (инициации) воздействует на природу, помогая тем самым прийти весне, лету быть жарче и т.п.

Ещё один масленичный обычай – **катать с гор горящее колесо**. Он так же существовал у западных родичей русского народа – словаков.

Коринфский А., описывая обычаи, поверья, сказания и пословицы русского народа, в своём труде «Народная Русь» приводит сказку, которая в лицах изображает смену времён года как борьбу двух враждующих стихий: зимнего похитителя солнца и весеннего его освободителя. Первый представлен прообразом тёмного зла, второй – воплощение доброго и светлого. Согласно этой сказке, выходили два богатыря-соперника на небесный простор и начинали бороться. Затем они убрали своё оружие и обращались друг к другу: «Обернёмся лучше колёсами, да и покатаемся с небесной горы! – предложил богатырь-весна своему врагу. – Чьё колесо будет разбито, тот и побеждён будет!». Согласились богатыри и скатились яркими колёсами соперники с гор-горы. Колесо-весна налетело на колесо-зиму и раздробило его, но соперник не сдался. И порешили они обернуться в огонь-попымя, чтобы понять, кто сильнее. Палят они друг друга, жгут, осилить не могут. Тут мимо идет старый нищий с длинной бородой, и каждый из богатырей начинает просить его затушить водой пламя соперника, предлагая взамен за услугу деньги. Залил старец пламя того, кто больше предложил денег. Так богатырь-весна победил соперника [3]. Сюжет этой сказки повествует о том, что на Руси обычай скатывать с горы горящее колесо олицетворял приход весны, смену времён и победу добра над злом. С философской точки зрения данный обряд истолковывается как возможность смены темпоральности

и одновременное преображение ущербной онтологии до возможности достижения изначальной онтологической нормы.

Необходимо обратить внимание на ещё одну обязательную деталь – шест, о котором уже писалось выше. Это отсылает нас к представлению о священном столбе как некой космической оси, вокруг которой начинается преобразование меонического бытия как медиатора в общении между «горним» и «дольним» мирами.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие символы праздника масленицы представляют собой архетипы коллективного бессознательного, а описанные обряды являются ностальгией по онтологической норме и условием преображения ущербной онтологии до нормативности бытия.

Масленица – это праздник, событие в несакральном, тварном, профаническом пространстве бытия-кентавра, которое опространствлено временем. Масленица устраняет физическое время и размывает пространственные границы меонического бытия-кентавра. Освящение пространства и времени осуществляется через метафизику креста, поскольку самое пространство – это метафизический крест. Поэтому в масленичной обрядности можно встретить его символику (шест, на который надевают чучело Масленицы; гора, с которой начинаются катания; костёр и пр.). Масленица – это победная фаза качественного преображения ущербной реальности, в которой пребывает человек. Каждое культовое действие в процессе празднования масленицы подразумевает участие всех сфер в преображении бытия, потому что культ определяет границу между бытием-кентавром и бытием-символом.

В ходе исследования масленичного комплекса автор выявляет символику креста в акте катания с гор, прыгания через костёр, катания горящих колес с горы в образе самой Масленицы. Масленица является древнейшим языческим календарным праздником, имеющим свою мифологию, поэтому ежегодное его повторение восстанавливает во всей целостности забытое время. В процессе участия человека в этом празднике человек становится со-участником известных предкам событий, их современником. Человек через «проживание» ритуалов масленицы выходит из времени хронологического, физического, светского и погружается в качественно иное время – эоническое, сакральное, которое является исходным, первоначальным, но в силу меонизации бытия-кентавра бесконечно повто-

ряющимся. В масленице мы имеем дело именно с цикличным временем.

Список литературы

1. Демченко П.Н. Некоторые элементы акциональных блоков масленичного комплекса: философские аспекты // Кризис антропологических оснований современной культуры. Сборник научных трудов. – Саратов-Москва: Изд-во «КУБиК», 2015. – С. 242-247.
2. Демченко П.Н. Структура и лексика тамбовской масленицы / П.Н. Демченко, И.В. Поповичева // Современные говоры в системе языковой культуры: Сборник статей. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 223-236.
3. Демченко П.Н. Философское осмысление обрядового комплекса масленицы / П.Н. Демченко, В.В. Канафьева // Кризис антропологических оснований современной культуры. Сборник научных трудов. – Саратов-Москва: Изд-во «КУБиК», 2015. – С. 196-199.
4. Лосев А.Ф. Вещь и имя. Книга создавалась во второй половине 1920-х гг. Сохранились: а) краткая редакция 1920-хх гг. (1-е изд.: Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993); глава IV из утерянной полной редакции 1929 г. (1-е изд.: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. – М.: Мысль, 1999); краткая редакция 1933 г. (1-е изд.: Лосев А.Ф. Имя. – СПб.: Алетея, 1997).
5. Милованов М. Масленица. Рассказ из сельского быта // Тамбовские епархиальные ведомости. – Тамбов, 1900. – № 8. – С. 239-249; № 9. – С. 263-272.
6. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.
7. Флоренский П.А. Ономатология // Имена: Сочинения. Серия «Антология мысли». – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с.
8. Фриауф В.А. Генеалогия языка и культа. Между историей и метафизикой. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – 197 с.